

Варлам Шаламов:

Моей правде - 2001. - Москва. - с. 4

пророк, а не мастер

Мало кто нынче пишет письма. И почта работает хуже, чем три-четыре десятилетия назад. Письмо по Москве, посланное с улицы 1905 года в район Нахимовского проспекта, идет, случается, более трех недель (сам накопился). Какая уж тут переписка.

А я сегодня хочу предложить читателю письмо, написанное сорок лет назад. Вынул из драгоценной папки с надписью «ШАЛАМОВ». Тот самый, автор «Колымских рассказов», известных миру как великая литература и потрясающий документ эпохи.

Под карающий меч доблестных органов Варлам Тихонович Шаламов (1.7.1907, Вологда - 18.1.1982, Москва) попал в 1929-м, сидел до 1932-го. Без вины. Вновь арестовали в 1937-м. Еще 17 лет провел в тюрьмах и лагерях. Выжил, в конце 50-х стал печатать стихи. Первая книга «Огниво» - 1961-й. Если заглянете в словарь русской литературы Вольфганга Казака, увидите, что первый газетный отзыв об «Огниве» написал Б. Слуцкий, первый журнальный - В. Приходько («Знамя», 4, 1962). Под названием: «Характер мужественный, цельный».

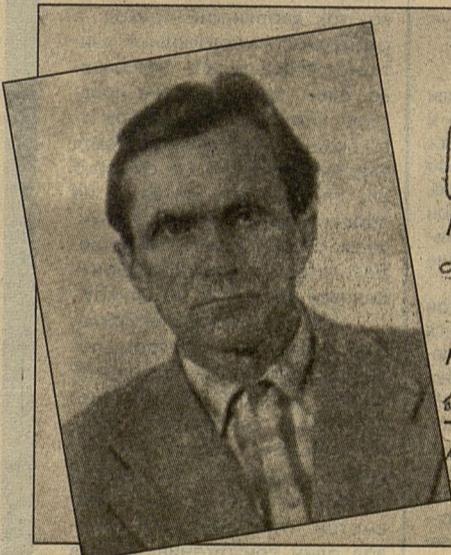
Я переписывался с Шаламовым в 1959 - 1961 гг. Пока не переехал в Москву, где дружеские отношения продолжились.

Итак, обещанное (публикуется впервые и в точности, как написано).

ной поэтической речи далекого прошлого. Мне жаль способных людей, теряющих время напрасно.

Есть в этом и еще опасность, страшней. Вот я держу в руках первое издание Пастернаковской книги «Поверх барьеров». Это - удивительное издание, где типографские ошибки выдавались за поэтические открытия - вот какие были времена. Но дело не в том. В книжке этой много вечных стихов - Марбург, Я клавишей стаю, Пурга и многое, многое другое. Но вместе с тем сборник полон словесного хлама. За каждым стихотворением сборника, за каждой его строкой стоят острые, глубокие наблюдения, вызвавшие к жизни стихи. Но эти наблюдения, эти озарения тонут в словесном мусоре, в расхлябанном размере, в неточных рифмах. Эти стихи пропали для читателя. Их никто не читает кроме Вас и меня. И Пастернак это видел и знал и с болью говорил и писал о невозвратимой этой потере.

Конечно, в моих стихах есть следы его руки. Но я старался всегда избавиться от любого формального влияния. Вы отметили схожесть интонаций и я исправляю эти строки. Что касается «Пня», то «Пень» написан лет на пять раньше «Ваханалии», а лет десять назад в том же музыкаль-

«Москва, 30 января 1961 года.

Дорогой Владимир Александрович. Вы вовсе не виноваты в этом недоразумении. Виноват я сам. Я утратил, по видимому, способность выражаться ясно и недвусмысленно. Вот и моя точка зрения на мастерство для Вас не вполне ясна. Я не хотел сказать, что «главное в Пушкине - не мастерство». Я думаю вовсе не так. Мне кажется, что слово «мастер» в отношении большого поэта звучит оскорбительно. Большие поэты - пророки, а не мастера. «Мастер» - т.е. не поэт. Мастерству можно научиться. Научиться писать стихи нельзя. Поэт создает глаз, талант, «свернутая душа», предельная искренность, самоотдача. Если бы имярек видел, как Пушкин, - он бы и писал как Пушкин. Конечно, нужно быть грамотным, знать и любить стихи, остро чувствовать фальшь поэтической речи. Но все это не мастерство. Болтовня вокруг «мастерства» увела в сторону от поэзии многих возможных поэтов, а некоторых - более честных и искренних, более поэтов - привела к смерти. Стихи рождаются не от стихов. Почему меня сердят «корневые окончания»? Потому что русское стихосложение не нуждается в новой поэтике. В русском стихе так мало использованного, а возможности его безграничны. Разве Ходасевич, Цветаева, Пастернак, Мандельштам, Бунин не доказывают вам этого повседневно и повсечасно? Разве вы не чувствуете, что такой поэт, как Хлебников, с величайшим трудом удерживается в русле поэзии и притом в немногих своих вещах. Существуют рамки языка - за которыми стиха нет. И только внутри этих рамок создается вечное, важное, необходимое людям. Что касается ассонанса, то я бы мог сказать Тихонову, что ассонанс - это рифма для глухих. Скрепление слов с помощью ассонанса исторически сложилось раньше рифмы. Рифма родилась в средние века (трубадуры) и сменила ассонанс. Это - дальнейшая ступень культуры стиха и нет нужды возвращаться к расхлябан-

ном ключе написано стихотворение «Мы несчастье и счастье Различаем с трудом».

Эренбург в мемуарах рекомендует себя настойчиво (с полным основанием) поэтом. Еще бы!

«За что же пьют? За четырех хозяек

За цвет их глаз, за встречи в мясоед

И полубогом сделался поэт».

Вы не обижайтесь на меня, Володя, что я не пишу о Ваших стихах. Я слишком мало их знаю, чтобы иметь суждение.

За стихотворение Цветаевой благодарю. У меня есть эти стихи.

Посылаю Вам несколько стихотворений прошлого-позапрошлого года.

Желаю Вам и Вашей семье всякого добра. Пишите, приезжайте.

О.С. приветствует Вас.
Ваш В. Шаламов».

Как видите, это реплика в споре о поэзии. Об уникальности дарования. О традиции. О «корневой» рифме, модной в 50 - 60-е и отчасти обновившей поэзию. Позиция Шаламова понятна. Между прочим, Цветаева из его перечня традиционалистов явно выпадает.

Тихонов помянут в связи с эффектной фразой: рифмовать для глаз - все равно что рисовать для носа (если не ошибаюсь, в речи на I съезде писателей). Эренбург, считал Шаламов, истинный поэт (второго ряда). По-моему, это очевидно. «Ваханалия» - стихи Пастернака. «За что же пьют?..» - неточная цитата из поэмы Пастернака «Спекторский».

О.С. - Ольга Сергеевна Неклюдова, в эти годы жена Шаламова.

Сегодня я думаю, что литература вряд ли развивается по прямому пути, и «провалы» Хлебникова должны быть объяснены по-другому. В главном Шаламов неоспорим: поэзия - пророчество, а не ремесло.

Владимир
ПРИХОДЬКО.

208